

ГЛАВА VII.

"Именно после того, как вы введете в строй свою промышленную армию, - сказал я, - должно ожидать, что возникнет главная трудность, поскольку на этом аналогия с военной армией должна прекратиться.

Солдатам нужно делать одно и то же, а именно практиковаться в обращении с оружием, маршировать и стоять на страже. Но промышленная армия должна изучить две или три сотни различных профессий и навыков и улучшать их. Какой административный талант может сравниться с мудрым ведением торговли или бизнеса?"

"Администрация не имеет никакого отношения к определению этого момента".

"Тогда кто же это определяет?" спросил я.

"Каждый человек сам за себя в соответствии со своими природными способностями, прилагая максимальные усилия, чтобы дать ему возможность выяснить, каковы на самом деле его природные таланты. Принцип, на котором организована наша промышленная армия, заключается в том, что природные способности человека, умственные и физические, определяют, над чем он может работать с наибольшей пользой для нации и наиболее удовлетворительно для себя.

Хотя нельзя уклоняться от обязанности служить в той или иной форме, добровольные выборы, подлежащие лишь необходимому регулированию, зависят от того, какой конкретный вид службы должен оказывать каждый человек. Поскольку удовлетворенность индивида в течение срока его службы зависит от того, есть ли у него занятие по вкусу, родители и учителя с ранних лет следят за проявлениями особых способностей у детей. Тщательное изучение национальной промышленной системы, с историей и зачатками всех крупных профессий, является неотъемлемой частью нашей образовательной системы.

Хотя ручному обучению не разрешается посягать на общую интеллектуальную культуру, которой посвящены наши школы, оно распространяется достаточно далеко, чтобы дать нашей молодежи, в дополнение к их теоретическим знаниям о национальной промышленности, механической и сельскохозяйственной, определенное знакомство с их инструментами и методами. Наши школьники постоянно посещают мастерские, и часто их берут на длительные экскурсии для осмотра конкретных промышленных предприятий.

В ваше время человеку не было стыдно быть абсолютно невежественным во всех профессиях, кроме своей собственной, но такое невежество не соответствовало бы нашей идее предоставить каждому возможность разумно выбирать ту профессию, к которой у него больше всего вкусов. Обычно задолго до того, как его призывают на службу, молодой человек выясняет, какому делу он хочет следовать, приобретает о нем много знаний и с нетерпением ждет того времени, когда он сможет вступить в его ряды."

"Конечно, - сказал я, - вряд ли может быть так, что количество добровольцев для какой-либо профессии - это именно то количество, которое необходимо для этой профессии. Как правило, спрос должен быть либо ниже, либо выше".

"Ожидается, что предложение добровольцев всегда будет полностью соответствовать спросу", - ответил доктор Лите. "Это дело администрации - следить за тем, чтобы это было так. Внимательно отслеживается количество добровольцев для каждой профессии. Если количество добровольцев заметно превышает количество людей, необходимых в какой-либо профессии, делается вывод, что эта профессия более привлекательна, чем другие.

С другой стороны, если число добровольцев для какой-либо профессии имеет тенденцию падать ниже спроса, делается вывод, что она считается более трудной. Задачей администрации является постоянное стремление уравнивать привлекательность профессий в том, что касается условий труда в них, с тем чтобы все профессии были одинаково привлекательными для людей, имеющих к ним естественные вкусы. Это достигается за счет того, что часы труда в разных профессиях различаются в зависимости от их трудоемкости.

Более легкие профессии, осуществляемые при наиболее благоприятных обстоятельствах, имеют, таким образом, самые долгие часы, в то время как трудная профессия, такая как добыча полезных ископаемых, имеет очень короткие часы. Не существует ни теории, ни априорного правила, с помощью которого определяется соответствующая привлекательность отраслей. Администрация, снимая бремя с одного класса работников и добавляя его к другим классам, просто следует колебаниям мнений среди самих работников, на что указывает доля добровольцев.

Принцип заключается в том, что работа ни одного человека не должна быть для него в целом тяжелее, чем работа любого другого человека для него, сами работники должны быть судьями. Нет никаких ограничений на применение этого правила. Если какое-либо конкретное занятие само по себе настолько тяжелое или угнетающее, что для привлечения добровольцев дневную работу в нем пришлось сократить до десяти минут, оно было бы выполнено.

Если бы даже тогда ни один человек не захотел этого сделать, это осталось бы невыполненным. Но, конечно, на самом деле, умеренного сокращения рабочего времени или добавления других привилегий достаточно, чтобы привлечь всех необходимых добровольцев для любой работы, где есть недостаток рабочих. Если бы, действительно, неизбежные трудности и опасности такого необходимого занятия были настолько велики, что никакие стимулы компенсирующих преимуществ не преодолели бы отвращение людей к нему, администрации нужно было бы только исключить его из общего порядка занятий, объявив его "особо опасным", а тех, кто им занимался, особенно достойными национальной благодарности.

Наши молодые люди очень жадны до чести и не упускают таких возможностей. Конечно, вы увидите, что зависимость от чисто добровольного выбора занятий влечет за собой отказ от всего, что связано с негигиеничными условиями или особой опасностью для жизни и здоровья. Здоровье и безопасность - это условия, общие для всех отраслей промышленности. Нация не калечит и не убивает своих рабочих тысячами, как это делали частные капиталисты и корпорации вашего времени".

"Когда желающих заняться определенной профессией больше, чем есть места, как вы выбираете между претендентами?" - поинтересовался я.

"Предпочтение отдается тем, кто приобрел наибольшие знания о профессии, которой они хотят следовать. Однако ни один человек, который на протяжении многих лет остается настойчивым в своем желании показать, на что он способен в какой-либо конкретной профессии, в конце концов не лишается возможности. Между тем, если человек поначалу не может добиться вступления в дело, который он предпочитает, у него обычно есть одно или несколько альтернативных предпочтений, занятий, к которым он имеет некоторую степень склонности, хотя и не самую высокую.

Действительно, ожидается, что каждый человек изучит свои способности, чтобы иметь не только первый выбор профессии, но и второй или третий, так что, если в начале своей карьеры или впоследствии, из-за прогресса изобретений или изменений спроса, он не сможет следовать его первое призвание, он все еще может найти достаточно подходящую работу.

Этот принцип вторичного выбора профессии весьма важен в нашей системе. Я должен добавить, в отношении встречной возможности внезапного отказа добровольцев в конкретной профессии или внезапной необходимости увеличения численности персонала, что администрация, хотя и зависит от добровольной системы заполнения вакансий, как правило, всегда имеет в запасе право призывать к специальным добровольцам или набирать любые необходимые силы с третьей стороны.

Как правило, однако, все потребности такого рода могут быть удовлетворены с помощью людей из класса неквалифицированных или обычных рабочих".

"Как набирается этот класс простых рабочих?" Я спросил. "Конечно, никто добровольно туда не входит".

"Это класс, к которому относятся все новобранцы в течение первых трех лет их службы. Только по истечении этого периода, в течение которого он может быть назначен на любую работу по усмотрению своего начальства, молодому человеку разрешается выбрать особое призвание.

От этих трех лет строгой дисциплины никто не освобождается, и мы очень рады, что наши молодые люди переходят из этой суровой школы в сравнительно свободную профессию. Если бы человек был настолько глуп, что у него не было выбора профессии, он просто остался бы обычным рабочим; но такие случаи, как вы можете предположить, не являются обычными."

"Однажды избрав и занявшись какой-либо профессией, - заметил я, - полагаю, он должен придерживаться ее всю оставшуюся жизнь".

"Не обязательно, - ответил доктор Лите. - хотя частая и просто капризная смена профессии не поощряется и даже не разрешается, каждому работнику, но все еще можно согласно определенным правилам и в соответствии с требованиями службы, добровольно работать в другой отрасли, которая, по его мнению, подошла бы ему лучше, чем его первый выбор. В этом случае его заявление принимается так же, как если бы он был добровольцем в первый раз, и на тех же условиях.

Не только это, но и работник может аналогичным образом, при соблюдении соответствующих правил и не слишком часто, получить перевод на предприятие той же отрасли в другой части страны, которое по любой причине он может предпочесть. При вашей системе недовольный человек действительно мог оставить свою работу по своему желанию, но в то же время он оставил свои средства к существованию и рисковал не получить средства к существованию в будущем.

Мы обнаруживаем, что число мужчин, желающих отказаться от привычного занятия ради нового, а старых друзей и объединений - ради незнакомых, невелико. Только самые бедные работники желают меняться так часто, как позволяют наши правила. Конечно, переводы или выписки, когда этого требует здоровье, всегда предоставляются".

"Как промышленная система, я должен думать, что это может быть чрезвычайно эффективно, - сказал я, - но не вижу, чтобы это обеспечивало какие-либо профессиональные классы, людей, которые служат нации мозгами вместо рук. Конечно, вы не можете обойтись без работников умственного труда. Как же тогда они отбираются из тех, кто должен служить фермерами и механиками? Я бы сказал, что это, должно быть, требует очень тонкого процесса просеивания."

"Так оно и есть", - ответил доктор Лите. "Здесь необходим самый тонкий из возможных тестов, и поэтому мы оставляем вопрос о том, должен ли человек быть мозговым или ручным работником, полностью на его усмотрение. По истечении трехлетнего срока службы в качестве

простого рабочего, которому должен служить каждый человек, он должен выбрать, в соответствии со своими естественными вкусами, будет ли он пригоден для искусства или научной профессии, или быть фермером или механиком.

Если он чувствует, что может лучше работать мозгами, чем мускулами, он находит все возможности для проверки реальности своей предполагаемой склонности, для ее культивирования и, если это уместно, для того, чтобы сделать это своим призванием. Школы технологии, медицины, искусства, музыки, театрального искусства и высшего гуманитарного образования всегда открыты для претендентов без каких-либо условий".

"Разве школы не наводнены молодыми людьми, единственным мотивом которых является уклонение от работы?"

Доктор Лите немного мрачно улыбнулся.

"Уверю вас, никто, скорее всего, не поступит в профессиональные учебные заведения с целью избежать работы", - сказал он. "Они предназначены для тех, у кого есть особые способности к тем отраслям, которые они преподают, и любому, у кого их нет, было бы легче работать по два часа в своей профессии, чем пытаться не отставать от занятий. Конечно, многие искренне ошибаются в своем призвании и, обнаружив, что они не соответствуют требованиям школ, бросают учебу и возвращаются на промышленную службу; таким людям не грозит дискредитация, поскольку государственная политика заключается в том, чтобы поощрять всех развивать предполагаемые таланты, реальность которых могут подтвердить только тесты на практике.

Профессиональные и научные школы вашего времени зависели от покровительства своих учеников в плане поддержки, и, по-видимому, была распространена практика выдачи дипломов непригодным лицам, которые впоследствии нашли свой путь в профессии. Наши школы являются национальными учреждениями, и сдача их тестов является доказательством особых способностей, которые не подлежат сомнению.

"Эта возможность профессионального обучения, - продолжил доктор, - остается открытой для каждого гражданина до достижения тридцатилетнего возраста, после чего студентов не принимают, поскольку до увольнения остается слишком короткий период, чтобы служить нации по своей профессии.

В ваше время молодым людям приходилось выбирать свою профессию очень рано, и поэтому в значительной части случаев они полностью ошибались в своем призвании. В настоящее время признано, что природные способности одних развиваются позже, чем у других, и поэтому, хотя выбор профессии может быть сделан уже в двадцать четыре года, он остается открытым на шесть лет дольше".

Вопрос, который десятки раз прежде был у меня на устах, теперь был озвучен. Этот вопрос, который касался того, что в мое время считалось самой насущной трудностью на пути любого окончательного решения промышленной проблемы.

"Удивительно, - сказал я, - что вы до сих пор не сказали ни слова о методе корректировки заработной платы. Поскольку нация является единственным работодателем, правительство должно установить размер заработной платы и точно определить, сколько должен зарабатывать каждый, от врачей до землекопов. Все, что я могу сказать, это то, что этот план никогда бы не сработал с нами, и я не вижу, как он может сработать сейчас, если человеческая природа не изменилась.

В мое время никто не был доволен своей зарплатой. Даже если он чувствовал, что получил достаточно, он был уверен, что у его соседа было слишком много, что было так же плохо. Если бы всеобщее недовольство по этому поводу, вместо того, чтобы рассеиваться в проклятиях и забастовках, направленных против бесчисленных работодателей, могло быть сосредоточено на одном государстве, то правительство, будь оно самым сильным из когда-либо созданных, не увидело бы дня выплаты жалованья".

Доктор Лите от души рассмеялся.

"Очень верно, очень верно, - сказал он, - всеобщая забастовка, скорее всего, закончилась после первого дня выплаты зарплаты, а забастовка, направленная против правительства, - это революция".

"Как же тогда вы избегаете революции каждый раз во время выплаты зарплаты?" - потребовал я. "Неужели какой-нибудь выдающийся философ изобрел новую систему исчисления, удовлетворяющую всех, для определения точной и сравнительной ценности всех видов услуг, будь то мускулы или мозг, рука или голос, ухо или глаз? Или изменилась сама человеческая природа, так что ни один человек не смотрит на свои собственные вещи, но "каждый человек смотрит на вещи своего ближнего?" Одно или другое из этих событий должно быть объяснением".

"Однако ни то, ни другое таковым не является", - со смехом ответил мой хозяин. "А теперь, мистер Уэст, - продолжил он, - вы должны помнить, что вы мой пациент, а также мой гость, и, согласно этому, позвольте мне прописать вам сон, прежде чем мы продолжим разговор. Уже больше трех часов."

"Совет, без сомнения, мудрый, - сказал я, - только надеюсь, что его можно будет выполнить".

"Я позабочусь об этом", - ответил доктор, и он так и сделал, потому что дал мне бокал вина с чем-то таким, от чего я заснул, как только моя голова коснулась подушки.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/83668/2690536>